

Ли Шиминь сидел на борту летящего духовного челна, погруженный в глубокие раздумья.

"Где я?"

В обители бессмертных?

Неужели потомки зашли так далеко?"

До этого он полагал, что пушки Великой Мин — это предел чудес.

Приведя в порядок обрывки воспоминаний этого тела, он обнаружил, что бедолага был круглым дураком. Полезного в его памяти нашлось немного, разве что имя — Цинь Тяньцэ.

От этого сочетания Ли Шиминь невольно хмыкнул.

"Циньский ван да еще и Великий генерал Тяньцэ? Хорош, ничего не скажешь!"

А ведь он действительно им был.

Женщина, которая окликнула его первой, звалась Цинь Сыминь. Следом за ней летели двое юношей: тот, что помоложе, — Тань Ци, а вот имя второго Ли Шиминю пока оставалось неизвестным. Оба они обращались к Шэнь Цинчжоу как к шишу — дяде-наставнику. Судя по всему, ему самому тоже придется его так называть.

Едва бросив первый взгляд на этого шишу, Ли Шиминь чуть не подскочил: ему показалось, будто его верный Сянфу явился следом.

Да, в одной из прошлых жизней он был Лю Шанем, а значит, Чжугэ Лян действительно приходился ему вторым отцом.

Мужчина перед ним сидел прямо и величественно, словно резная яшма, высился гордо, как сосна в лесу. Каждое его движение дышало благородной сдержанностью, но без тени напускной строгости. В его облике сочетались книжная утонченность и негласное величие — чистый и ясный, словно солнце или луна, заглянувшие в распахнутую душу, спокойный, как ветер, шелестящий в кронах вековых сосен. Он невероятно походил на Чжугэ Ляна в годы его молодости.

При этой мысли Ли Шиминь отвесил себе звонкую пощечину.

"Сянфу покинул этот мир всего... а я уже готов сравнивать с ним первого встречного? Мой Сянфу — первый под небесами, и точка!"

Так где же он все-таки очутился?

Под ним покачивалась небольшая деревянная лодка. С виду — обычный речной челн, какими пользуются простые рыбаки. Вот только этот летел по небу.

Холодный ветер с пронзительным свистом овеивал лицо. Шэнь Цинчжоу и Тань Ци зажали его с двух сторон, словно оберегая неразумного дурачка от падения в бездну.

Ли Шиминь сохранял бесстрастное выражение лица, безучастно глядя вперед, но чутко ловил каждое слово спутников.

Шэнь Цинчжоу скользнул взглядом по лицу Цинь Тяньцэ. На мгновение ему показалось, что в поведении глуповатого юноши промелькнуло нечто необычное, но, заметив, как тот уставился на сидящую напротив Цинь Сыминь, отбросил эти мысли.

В последнее время навалилось слишком многое, вот он и начал подозревать каждого встречного.

Шэнь Цинчжоу извлек из широкого рукава аккуратно сложенный лист бумаги и, прикрывая его ладонью от яростных порывов ветра, бережно разгладил на коленях.

Тань Ци вытянул шею, заглядывая в записи. Оказалось, это был тот самый набросок «Изыявления похода», который его шишу так и не закончил.

— Зачем ты взял это с собой?

Шэнь Цинчжоу не поднимал головы:

— Бросил на середине. Подумал, выдастся свободная минутка в пути — допишу.

— Ветер, — холодно обронила Цинь Сыминь.

— Да, наверху дует знатно. Я так, просто взглянуть.

Ли Шиминь, не выдавая себя, бросил быстрый взгляд на исписанный лист. В мягком лунном свете отчетливо проступили каллиграфические мазки.

Почерк превосходный... Постойте-ка, «Изыявление похода»?!

Ли Шиминь едва заметно вздрогнул. Почувствовав, что шишу поднимает голову, он мгновенно уставился в пространство остекленевшим взглядом, старательно изображая прилежного

дурачка.

"Так не пойдет. Нужно найти удобный случай, чтобы вернуть себе рассудок и не вызвать подозрений."

Небольшой духовный челн рассекал облачные волны в вышине. Ли Шиминь трепетал в такт этому полету. Не осталось прежних сожалений, не томила душу неисполненная клятва... Но ради чего он здесь?

Ему хотелось оглянуться назад, но он сдержал порыв.

Он знал: за его спиной теперь пустота.

Там больше нет ни Вэй Чжэна, ни Ли Цзина. Нет ни Юй Цяня, ни Юэ Фэя. Нет ни Янь Чжэньцина, ни Нань Цзюня.

И нет Сянфу.

Внезапно Ли Шиминь ощутил приятную тяжесть на плечах. Он удивленно опустил глаза: Шэнь Цинчжоу заботливо накинуд на него плотный теплый плащ.

"Сянфу..." — в ушах на мгновение зашумело.

Сидящая напротив Цинь Сыминь процедила три слова, похожие на крупницы льда:

— Будет жарко.

Шэнь Цинчжоу, завязывая тесемки на шее юноши, мягко возразил:

— Когда побежим на охоте — безусловно. Но сейчас ветер слишком холодный.

Ли Шиминь шевельнул пальцами, незаметно поправляя шелковые завязки у горла.

"Какая разница, какая сейчас эпоха? Я — Ли Шиминь, император Тай-цзун Великой Тан."

Он вновь обрел непоколебимую уверенность в собственных силах.

Принцесса Чандин династии Великий Цянь, Дунфан Цзе, в сопровождении нескольких десятков личных гвардейцев пробиралась сквозь густые лесные заросли.

Глава семьи Цинь, Цинь Жуй, полагал, что принцесса разместила войска у Бездны Гаюань ради устрашения великих кланов. И он был прав лишь наполовину.

Дунфан Цзе была облачена в плотный, облегающий доспех, закрывавший даже пальцы рук. За ее спиной крест-накрест висели два меча, а волосы были убраны под тяжелый боевой шлем.

В Великих пустошах высится Высокая гора Тяньтай, у подножия которой морские воды уходят вглубь земли. Именно в недрах этой горы и сокрыта Бездна Гаюань.

Су Пинь, одна из личных гвардейцев принцессы, выросла вместе с ней. Формально они оставались госпожой и служанкой, но на деле были близки как сестры.

Она шла чуть позади Дунфан Цзе и не уставала восхищаться:

— Не зря древние говорили: «Высокая гора Тяньтай — обитель божественной красоты и величия». Поистине, здесь сошлись все богатства морей и гор, являя взору великолепие богов и смертных!

Дунфан Цзе согласно кивнула:

— Земли Тяньтай богаты редкими дарами. Здесь в изобилии растут драгоценные травы: уояо, хуанцзин, дикий горный дендробиум. Местный туманный чай издавна славится по всей стране. Да и сладкие мандарины, что поставляет ко двору семья Цинь с острова Пэнлай, тоже родом отсюда. Мне доводилось их пробовать — вкус отменный.

В этот момент из чащи высунулась голова крупного зверя с длинной шеей и коротким хвостом. Вдоль его хребта тянулась густая, жесткая грива. Выглядел он весьма величаво.

— О, глядите, четырехнесходный сыбусян! — рассмеялась Су Пинь, указывая на лесного гостя.

Она улыбнулась, и её и без того яркое, пленительное лицо преобразилось, словно распустились тысячи цветов.

Сероу совсем не боялся людей. Он спокойно ошипывал нежные побеги на ветках, лениво прядал длинными ушами и косился влажными темными глазами на незваных гостей.

Дунфан Цзе окинула его коротким, пронзительным взглядом. Зверь мгновенно почуял скрытую угрозу. Он испуганно расширил глаза, замер и, попятившись, в мгновение ока растворился в лесной глуши.

Принцесса лишь хотела взглянуть на то, о чем говорила подруга, но невольно спугнула лесного жителя.

Заметив, что Дунфан Цзе все еще смотрит вслед ушедшему зверю, Су Пинь тихо спросила:

— Хотите его, принцесса? Если прикажете, я мигом поймаю.

Дунфан Цзе качнула головой:

— Не нужно. Идем дальше.

Су Пинь сделала несколько быстрых шагов, ровнясь с ней, и зашептала на ухо:

— Госпожа, откройте тайну, куда все-таки лежит наш путь?

— А я все гадала, когда же у тебя иссякнет терпение, — усмехнулась Дунфан Цзе.

— Ну принце-е-есса! — Су Пинь шутливо надула губы и умоляюще захлопала ресницами.

Дунфан Цзе легонько щелкнула ее по лбу. Пока гвардеец, притворно дуясь, потирала ушибленное место, принцесса тихо спросила:

— Ты слышала о Белом Императоре?

— Шаохао?

— В хрониках «Диван цзицзи» сказано, что Шаохао взошел на престол в Цюнсане, а затем перенес столицу в Цюйфу, где основал племя, избравшее своим тотемом птицу Феникс. Так появилось Царство Шаохао.

— Неужели цель нашего похода как-то связана с Белым Императором?

— Верно. Большинство летописей утверждают, что его царство находилось в Цюйфу, и гробница его высится к востоку от города, на горе Юньян. Однако в «Книге гор и морей» сказано совершенно иное: обителью Шаохао была Бездна Гаюань.

"За пределами Восточного моря лежит Великая Бездна — Царство Шаохао. Там воспитывал он Черного Императора Чжуаньсюя и там же оставил свои гусли. Там высится гора Гаюань, из глубин которой берут начало священные воды, рождая Бездну Гаюань"

— Но... ведь эти места разделяют тысячи ли? — нахмурилась Су Пинь. — Да и «Книга гор и морей» дошла до нас во множестве искаженных списков. Там вообще утверждается, будто Белый Император обитает на горе Чанлю!

Дунфан Цзе замедлила шаг. Сквозь плотную ткань доспеха она коснулась груди, где лежал обломок нефрита.

Принцесса Чандин родилась со сжатым в кулачке кусочком яшмы. Нынешний император счел это благословением небес, лично нарек ее Цзе и окружил безграничной заботой. На ее совершеннолетие он даровал ей вежливое имя Ючжи, а через пять лет, когда она спасла тысячи беженцев от голодной смерти, пожаловал титул принцессы Чандин.

— Мы обязаны попытаться, — негромко произнесла она.

Даже если оставить в стороне наследие древнего владыки, оставался странный сон, терзавший ее сознание больше двадцати лет.

Сколько она себя помнила, ей снился один и тот же сон.

Кругом царил непроглядный мрак, в котором дребезжащий, старческий голос упрямо звал ее по имени:

"Иди... Спешь в Город Белого Императора..."

Изредка в этой черноте проступал силуэт невидимых глаз, а в глубине их зрачков, ярче любых очертаний, горело вечное, яростное пламя.

Кто это был?

Дунфан Цзе когда-то посещала знаменитый город Фэнцзе на северном берегу Янцзы, но долгие поиски не принесли плодов.

Тот город воздвиг Гунсун Шу в конце эпохи Западная Хань. Увидев, как из колодца поднимается белый пар, похожий на дракона, он провозгласил себя Белым Императором и назвал крепость в свою честь.

После его смерти местные жители построили храм и установили там его изваяние. Но когда император Лю Бэй перед кончиной передал там бразды правления Чжугэ Ляну, из храма убрали прежнего идола и стали почитать мудрецов царства Шу.

И тогда Дунфан Цзе осенило.

Голос во сне звал ее вовсе не в тот Фэнцзе.

Он звал ее в истинный Город Белого Императора, оставленный древним Шаохао.

Царство в Цюйфу давно стерто безжалостным временем, и лишь затерянные руины у Бездны Гаюань хранили отголоски далекого прошлого.

Она вызвалась усмирить непокорные кланы только ради того, чтобы подобраться к Гаюань. И в первую же ночь по прибытии сон изменился.

Голос стал отчетливым, в нем больше не было старческой немощи — лишь кипучая удаль и бесшабашный дух бродячего воина.

"В новолуние, когда тьма укроет небо, на вершине Высокой горы Тяньтай откроются врата Города Белого Императора"

"Давай быстрее, не копайся там! Раз велит явиться — бегом марш!"

Дунфан Цзе тогда лишь мысленно усмехнулась: характер у таинственного предка оказался не сахар.

Новолуние наступило. И вершина Высокой горы Тяньтай была совсем близко.

Принцесса взглянула на ночное небо. Надвигающиеся тяжелые тучи рождали в душе тревожное предчувствие.

Но отступать поздно. Нужно подниматься.

Дунфан Цзе сделала знак рукой. Один из гвардейцев выступил вперед и поднял над головой кованую сферу, испещренную сложной вязью рун. В ее центре сиял чистейшим светом первоклассный духовный камень.

С тихим шепотом заклинания сфера вспыхнула, залив окрестности ярким дневным светом.

— Наверх, — скомандовала принцесса.

Су Пинь без лишних вопросов повела за ней отряд.

Склоны Высокой горы Тяньтай изобиловали отвесными кручами. Дунфан Цзе не знала точного места, указанного в видении, поэтому держала путь к самой высокой точке хребта.

Не доходя до вершины, она приказала основной части отряда остановиться и выбрала лишь нескольких сильнейших практиков для полета на мечах.

Остальные во главе с Су Пинь остались внизу для охраны подступов.

Оружием принцессы были парные клинки — один для защиты, другой для нападения. Стремительные, как молния, надежные, как утес. Правый звался «Тысяча Огней в Шатрах», левый — «Гора в Десять Тысяч Жалоб». Оба были первоклассным духовным оружием.

На краю обрыва завывал ледяной ветер, пробирая сквозь стылые пластины доспеха. Звезды скрылись за тучами. В эти глухие места веками не ступала нога человека, и пожухлая осенняя трава здесь поднималась выше колен.

Несколько ярких росчерков рассекли ночную мглу. Дунфан Цзе соскочила с летящего меча, бесшумно приземлившись на ковер из опавших веток.

Она бешено волновалась, словно в груди бил боевой барабан. Словно в трансе, она зашагала вперед, к самому краю.

Она услышала его.

Впервые этот голос звучал в ее бодрствующем разуме:

"Достань свой нефрит и следуй за ним"

Дунфан Цзе коснулась шеи. Кусочек яшмы, с которым она пришла в этот мир, обжигал кожу. Она вытянула его за цепочку — и камень, вырвавшись из пальцев, завис в воздухе, указывая прямо в темную пропасть.

Она сделала шаг — амулет плавно сместился вперед.

Остальные воины изумленно переглянулись, но не посмели задавать вопросов.

Дунфан Цзе велела следовать за ней, вновь вскочила на меч и ринулась вслед за светящимся нефритом прямо в темную бездну.

Спустившись на несколько десятков чжанов, камень резко вильнул в сторону. Принцесса скользнула за ним к отвесной стене и принялась всматриваться в серый камень.

Прямо из скалы росла древняя, скрюченная пихта толщиной в обхват. За ее мощными корнями Дунфан Цзе разглядела узкий лаз, в который мог протиснуться человек.

Нефрит указывал именно туда.

Принцесса, не колеблясь ни секунды, первой скользнула в темный проем, увлекая за собой верных гвардейцев.

<http://bllate.org/book/18428/1810298>